

I. ТЯЖЕЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Аллах, поистине, к Своим творениям строго справедлив —
Они к самим себе несправедливы ¹.

ПРОЛОГ

Перед отъездом из Индонезии вся семья собралась в апартаментах Карима аль-Наджди в Джакарте. Они вместе хотят поговорить о будущем, хотя решение уже принято. Всегда лучше поделиться мыслями и обсудить все с близкими. Тут все Новицкие: пара, пережившая события, связанные с кризисом среднего возраста, в лице Дороты, которую точит неизвестная болезнь, и Лукаша, подавленного после неудачного романа с молодой индонезийкой Адиндой; их возмужавший сын Адашь и двое дочерей Дороты — младшая Дарья, быстро повзрослевшая после трагических событий, и Марыся Салими, бывшая госпожа бен Ладен, теперь аль-Наджди. Ее бесстрастное лицо напоминает маску, она покорна судьбе, но сердце трепещет в ее груди, как раненая птичка в клетке.

— Я пригласил еще одного человека, который неразрывно связан с нашей семьей, — говорит Карим. — Хамида бен Ладена.

При этих словах Дарья распахивает большие голубые глаза и хватается за голову, Марыся же из-под насупленных бровей бросает на мужа быстрый встревоженный взгляд.

---

¹ Коран, сура X, стих 44. (Коран приведен в переводе В. Пороховой, если не указано иное.) (Примеч. пер.)

— Ты что, ошалел? — восклицает теща. — Зачем беречь старые раны? Это уже в прошлом!

— Не совсем, — спокойно говорит индонезиец. — У Хамида и Марыси есть сын, которого моя жена любит больше жизни. Что, в конце концов, естественно.

— Ну и что, что любит! — не сдаётся Дорота, считающая затею зятя исключительно глупой. — Она отдала своего ребенка его отцу, не знаю, почему и как она это сделала, но так уж случилось. Ничего не сделаешь.

— Она совершила необдуманный шаг, но это не значит, что она должна мучиться до конца жизни. Теперь у мальчика нет матери, даже неродной, потому что красавица Зайнаб погибла во время теракта на Бали, в то время как мы сами чудом остались живы. Поэтому мы также едем в Саудовскую Аравию, чтобы Марыся могла наладить контакт с ребенком, — говорит мужчина решительно.

— Охренеть! — восклицает Дарья. — Хотя, в общем, я вспоминаю жизнь в Эр-Рияде как время счастливой молодости. Там было не так уж плохо... — говорит она в задумчивости.

— Хорошо было, — поддерживает Адасть сестру по матери. — И в школе, и в поселке, где мы жили. И приятели у меня были супер, не то что здесь.

— Дорота, может, подумаете и присоединитесь к нам?..

Сигнал домофона прерывает Карима. Через минуту слышен звонок в дверь, и хозяин проводит в зал красивого высокого араба, у которого после последних трагических событий на, казалось бы, райском острове поседели виски.

— Здравствуйте.

Мужчина шокирован, увидев всю свою бывшую родню в сборе.

— Ты не говорил, что здесь будут все.

— Если бы я сказал, ты бы наверняка не пришел. А я считаю, что необходим обоюдный откровенный разговор.

— Что ж, ты прав, — признает Хамид.

— Хватит лжи! — Несмотря на спокойное и всегда добродушное выражение лица, индонезиец в эту минуту необычайно серьезен.

Марыся тем временем обводит собравшихся невидящим взглядом. Она приходит к выводу, что бедный Карим не имеет понятия, что говорит и на что отважился. «Если бы ты знал, что я тебе с ним изменила и по-прежнему люблю этого человека, любовь всей моей жизни, то не произносил бы этих слов, — мысленно спорит она с мужем, — не хотел бы такой искренности!»

Она тяжело вздыхает и изо всех сил старается взять себя в руки, чтобы не расплакаться.

«Очередной добрый парень, которого я загнала в угол. Очередной, кого нехотя обижаю».

— Поэтому садись, друг, и послушай, что мы решили.

Индонезиец вежливо улыбается, указывая старому приятелю на кресло.

— Может, отправим Адила к нашей няне, которая занимается Надей?

Он берет из его рук улыбающегося, довольного малыша и выносит в другую комнату. Все ждут молча.

— Мы с Марысей уезжаем, возвращаемся жить в Саудовскую Аравию, — сообщает Карим, вернувшись и глядя Хамиду прямо в глаза. Тот только поджимает губы.

— Почему? — спрашивает Хамид. — Не понимаю.

— Вот именно, почему?! — вмешивается Дорота, которая противится безрассудным планам, потому что материнским сердцем чувствует, что Марыся устроит этим порядочным мужчинам ад на земле. Уж точно долго не будет длиться связь с нелюбимым Каримом, который — о чудо! — ни о чем не подозревает.

— Потому что я чувствую себя больше саудовцем, чем индонезийцем. С трех лет и до недавнего времени я жил

в королевстве Саудовская Аравия, мой отец — саудовец. Может, я так не выгляжу, но я больше араб, чем азиат, — заканчивает он, грустно улыбаясь. Его темно-карие глаза в форме полумесяца смотрят на всех с такой искренностью и серьезностью, что слушающие уже не возражают, а только с пониманием кивают головами. — Марыся тоже наполовину арабка. Ей хорошо, когда она слышит призывы муэдзинов к молитве среди пустынной пыли в воздухе. Азия нам решительно не подходит.

— Мне тоже, — присоединяется Дорота.

— И мне, — поддерживает Дарья. — Я люблю арабские страны. Я провела там большую часть жизни.

— А что бы вы сказали, мои дорогие тещь и теща...

Карим колеблется минуту, думая, хороший ли это план, но все же решительно заканчивает мысль:

— ...чтобы вместе с нами вернуться к древним саудовским пескам?

— Я думаю... Может, это и неплохая идея? Мне там хорошо работалось, среди компетентных людей, которые меня ценили, — осторожно улыбается Лукаш. — Не говоря уже о сумасшедшей зарплате.

Он даже раздумялся, вспоминая достаток и стабильность, которых его семья достигла на Ближнем Востоке.

— Ты забыл, мой дорогой, что какая-то неизвестная болезнь точит меня изнутри? — Дорота бледнеет и вся дрожит, так как чувствует, что дела плохи.

— Вот именно, я помню об этом.

— В Эр-Рияде у нас есть больницы высочайшего мирового уровня, — присоединяется молчавший до сих пор Хамид. — В одной из них долгие годы работал Карим, и он наверняка туда вернется.

— Разумеется! В больнице медико-санитарной службы Национальной гвардии делают фантастические вещи. Ведь именно там разделили польских сиамских близнецов —

Ольгу и Дарью. Провели операцию, длившуюся восемнадцать часов, в которой участвовал медколлектив из шестидесяти человек, из них двадцать семь хирургов. За пластику отвечал я, оперировал с тремя коллегами.

— Ты никогда этим не хвастался, — не скрывает потрясения Дорота. — Я знала, что ты занимаешься пластикой, но думала, что, скорее всего, увеличиваешь груди, — шутит она, а все до сих пор напряженно молчавшие громко смеются.

— Нечем кичиться. Разные вещи в жизни я делал и исправлял.

— В этом весь Карим — сама скромность, — подводит итог Хамид. — Если вам интересно мое мнение, то мысль о пребывании в Саудовской Аравии, особенно принимая во внимание состояние твоего здоровья, Дорота, прекрасна.

— Да-да, возвращаемся домой! — восклицает Адашь, подсакивая.

— Может, и мне с вами, хотя я уже взрослая и должна идти своей дорогой... — просительно смотрит на мать Дарья.

— О чем ты говоришь? Оставайся с нами!

— Оставайся с нами! Оставайся с нами! — собравшиеся скандируют почти как на уличной демонстрации.

— Лети с нами: пока родители подпишут контракт и уладят все формальности, может пройти время и ты потеряешь год учебы. — Марья постепенно обретает уверенность, видя, что все может сложиться не так трагически, если снова все будут вместе, вся семья, понимающая и поддерживающая в горе и радости.

— Правда? — удивляется Дарья и бросает взгляд на Карима, будто спрашивая его мнение, а тот только поддакивает.

— Вместе начнем учебу — что ты на это скажешь? Как думаешь, Марья?

— В университете имени принцессы Нуры. — Марья мечтательно произносит название самого большого в мире

университета для женщин. — Может, мне наконец-то удастся его закончить?

— Конечно! Теперь у тебя будет бесплатный домашний репетитор, — не задумываясь добавляет Карим, рана этим сердце Хамида.

— Прекрасно...

Саудовец медленно поднимается с кресла, размышляя, чего же Карим добивался, приглашая его на этот семейный совет. Ведь он уже не имеет с ними ничего общего. «Неужели он хотел меня уколоть? — думает он про себя. — Хочет показать, что Марыся принадлежит ему и только ему, что навсегда потеряна для меня? Так ведь я прекрасно об этом знаю! Я отдаю себе в этом отчет!» — кричит он мысленно, крепко сжимая зубы, чтобы не дать выхода эмоциям.

— Должен с вами проститься, — говорит он холодно. — До встречи в Эр-Рияде. Если у вас будут какие-нибудь проблемы, с удовольствием помогу, — предлагает он под конец.

— Послушай, присядь еще на минутку, потому что все хорошо складывается, но мы не дошли до существа дела, касающегося тебя. — Индонезиец, не чувствующий неловкости ситуации, в которую поставил приятеля, снова приторно улыбается.

«Сейчас я ему эту улыбочку прибью к губе! — просыпается в Хамиде арабская кровь. — Больше всего мне хочется лоб ему разбить! Азиатский скользкий тип!» С большим трудом он берет себя в руки, кусая до крови губы, и покорно падает в кресло.

— Мы решили осесть в Саудовской Аравии главным образом по одной очень важной причине... — говорит Карим медленно; Хамид внимательно на него смотрит. — У вас с Марысей общий ребенок, которого она в порыве великодушия или не знаю почему еще добровольно отдала тебе. Но сейчас оказывается, что она не может жить без своего сына.

— Я его не отдам! — взрывается мужчина.

— Знаю и не требую от тебя этого, — подключается Марыся. — Я хотела бы только иногда иметь возможность его видеть, играть с ним, ухаживать за ним в болезни... Если бы была жива твоя жена Зайнаб, я не вмешивалась бы, не совалась бы в вашу жизнь, но сейчас малыш остался без матери, без женской любви и тепла. Ребенку это чрезвычайно необходимо!

— Я прекрасно отдаю себе в этом отчет. Адиль плачет по ночам, а я из кожи вон лезу, но не в состоянии его утешить, как, впрочем, и профессиональная няня. Ради счастья ребенка...

Хамид не имеет понятия, как это будет выглядеть, но сейчас не хочет вдаваться в подробности. Одно для него имеет значение, и в одном он уверен: Марыся, его любимая, будет где-то рядом, он сможет ее видеть, слышать ее голос, почувствовать запах ее тела, лаванды, которой она пользуется много лет. Как он это переживет? Как выдержит? Удастся ли ему вести себя достойно? Он не знает, но сейчас может сделать только одно.

— Ради счастья ребенка я соглашаюсь на то, чтобы ты контактировала с ним, посещала так часто, как только захочешь.

— Так летим вместе?! — Легкомысленная Дарья прерывает неловкую тишину, которая повисла после слов Хамида. — Я, Марыся, ее двое мужей... — смеется она, а все исподлобья смотрят на нее. — Ну, и двое ее детей, — добавляет она уже тише, немного испуганно: если она и дальше будет так себя вести, то Саудовской Аравии ей не видать.

— Так было бы лучше всего, — заканчивает организатор встречи. — Дети легче перенесут долгую дорогу, да и нам в компании будет веселее. А сейчас приглашаю всех на обед.

Карим поворачивается и идет в столовую. Остальные, остолбенев, по-прежнему смотрят друг на друга. Марыся бросает мимолетный взгляд на бывшего мужа, испепеляя его взглядом, и в ответ видит огонь страсти, пылающий в его глазах.

УТРАЧЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Большая семья приезжает на аэродром в Джакарте на трех машинах и с типичной для путешествующих нервозностью вытаскивает из багажников кучу чемоданов. В одной машине ехали Новицкие с Адасем и Дарьей, во второй — Марыся с Каримом и Надей, в третьей — Хамид с Адилем. У всех билеты в бизнес-класс — значит, они не должны волноваться о размере багажа или комфорте. Самолеты эмиратских авиалиний удобны даже в экономклассе, не говоря уже о первом. Они вместе летят в Дубай, но там их дороги расходятся. Как и договорились, Дорота с Лукашем и Адасем направляются в Польшу, все остальные в Эр-Рияд — столицу Саудовской Аравии.

На борту самолета, после того как подали шампанское и легкие закуски, взволнованные путешественники начинают суетиться. Женщины усаживаются вместе, Карим с Лукашем и Адасем занимают места рядом. Хамид же, который по-прежнему не может смириться с ситуацией, отделяется от остальных. Шесть часов полета, во время которых никто не сомкнул глаз, пролетели как одно мгновение. Наконец самолет выпускает шасси для приземления в столице Арабских Эмиратов.

— Вы должны спешить, мамочка! — У Марыси *reise-feber*¹, она мчится с сумасшедшим блеском в глазах. — У вас только полтора часа. Для этого аэропорта это очень мало. Это самый большой аэропорт на Ближнем Востоке, а может, и в мире, потому что он больше Хитроу. Быстренько!

— Так, может, вы отправитесь своей дорогой, а встретимся уже на борту? — отделяется Хамид от этой группы сумасшедших, так как не знает, во имя чего должен мчаться с ними сломя голову.

---

¹ Дорожная горячка (нем.).